ПОЭЗИЯ КРЫМА

Сборник

Поэзия Крыма. Сборник стихов русских поэтов

«Знакъ»

2010

Сборник

Поэзия Крыма. Сборник стихов русских поэтов / Сборник — «Знакъ», 2010

ISBN 978-5-457-63197-7

Вакханалия природы и жизни создала из Крыма бриллиант, трепетный, переливчатый; природа и жизнь стянула на небольшое пространство все, что у неё было красивого, радостного и скорбного и здесь, в Крыму, создала свой пантеон... А люди, увлеченные природой, входят в калейдоскоп и переливаются в смене лиц и одежд, здоровых и больных, гаснущих, расцветающих и цветущих. И вот — поэты, чуткие, глубже воспринявшие природу и жизнь, запечатлели свои настроения, свои переживания в музыкальных стихах. Они пришли разные, со своеобразными душами и создали ряд танцующих образов и звуков. Подойдите к ним ближе, остановитесь над ними, над их восприятиями, и поэты заразят Вас своими переживаниями, углубят Вас, а тогда и море, к небо, и скалы, и берега, цветы и любовь — все будет цельнее, глубже. Поэты создадут гамму настроений, заставят пережить полнее и цельнее всю красоту, все обаяние, все разнообразие Крыма. И многое, что скользнуло бы по мозгу, затаится в его извилинах, начнет расти и расцветет в прекрасный цветок очарования…

ISBN 978-5-457-63197-7

© Сборник, 2010
© Знакъ, 2010

Содержание

Предисловие 5
К. Бальмонт 6
Аю-даг 6
Крымская картинка 7
В. Бенедиктов 8
Близ берегов 8
Потоки 9
В. Брюсов 11
И. Бунин 13
Учан-Су 13
В Крымских степях 14
После дождя 15
Штиль 16
На винограднике 17
На даче 18
С обрыва 19
Океаниды 20
Дия 21
Граф П. Бутурлин 22
Крымские песни 22
А. Бородин 26
Яйла 26
И. Белоусов 27
Аю-даг 27
Хребет Яйлы 28
У Байдарсних ворот 29
У Ай-Петри 30
Князь П. Вяземский 31
Месячная ночь 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Поэзия Крыма. Сборник стихов русских поэтов

Предисловие

Благодатная страна! Благословенная страна! На маленьком клочке земли такое пышное сочетание всего, чем гордится природа: изменчивое многоцветное море – симфония красок и звуков, скалистые горы, ароматные степи, водопады и горные потоки, неустанно поющие песни и звонкие ручьи, бегущие по веселым и шумным долинам; темные пещеры – эти подземные храмы с гулкой тишиной, с влажными арками и колоннадами, с органами из сталагмитов, с тонким кружевом и тяжелою бронзой; скалы, оборвавшиеся в глубокие пропасти и скалы, бежавшие к морю, как огромные звери, окаменевшие в беге своем; янтарные берега, дружные с морем; степные травы, вереск и сосна, металлические буки, гордые кипарисы, блестящие магнолии воздушные глицинии и яркий ковер радужных цветов …

А надо всем южное небо с крупными цветами звезд, прозрачный воздух, легкий, благоухающий, розовые сумерки и темные жгучие ночи, и вечная ясность.

И, как бы остановилась весна и грезит цветами: и в легкой пляске несутся цветы… Скромные подснежники, нежные фиалки, гибкие глицинии, стройные розы, пьяные гвоздики, мраморные хризантемы, нежные фиалки, скромные подснежники.

Какой-то цветочный круговорот – яркий и вдохновенный.

И рассыпались по снежным долинам изящные города с кудрявыми садами и томными парками, притулились на склонах гор и холмов татарские деревушки со строго очерченными минаретами.

Какие нервные, прихотливые контрасты: больной, задумчивый и приехавший любить и наслаждаться природой и жизнью; горный первобытный татарин и европеец, изысканный, тонкий; кипучая жизнь и тихая смерть, углубленный ум и зыбкая поверхностная душа…

Вакханалия природы и жизни создала из Крыма бриллиант, трепетный, переливчатый; природа и жизнь стянула на небольшое пространство все, что у неё было красивого, радостного и скорбного и здесь, в Крыму, создала свой пантеон…

А люди, увлеченные природой входят в калейдоскоп и переливаются в смене лиц и одежд, здоровых и больных, гаснущих, расцветающих и цветущих.

И вот – поэты, чуткие, глубже воспринявшие природу и жизнь, запечатлели свои настроения, свои переживания в музыкальных стихах.

Они пришли разные, с своеобразными душами и создали ряд танцующих образов и звуков.

Подойдите к ним ближе, остановитесь над ними, над их восприятиями, и поэты заразят Вас своими переживаниями, углубят Вас, а тогда и море, к небо, и скалы, и берега, цветы и любовь – все будет цельнее, глубже. Поэты создадут гамму настроений, заставят пережить полнее и цельнее всю красоту, все обаяние, все разнообразие Крыма. И многое, что скользнуло бы по мозгу, затаится в его извилинах, начнет расти и расцветет в прекрасный цветок очарования…

К. Милль

К. Бальмонт

Аю-даг

Синеет ширь морская, чернеет Аю-даг.
Теснится из-за моря, растет, густеет мрак.
Холодный ветер веет, туманы поднялись,
И звезды между тучек чуть видные зажглись.
Неслышно ночь ступает, вступает в этот мир,
И таинство свершает, и шествует на пир.
Безмолвие ей шепчет, что дню пришел конец,
И звезды ей сплетают серебряный венец.
И все полней молчанье, и все чернее мрак.
Застыл, как изваяние, тяжелый Аю-даг.
И ночь, смеясь, покрыла весь мир своим крылом
Чтоб тот, кто настрадался, вздохнул пред новым злом.

Крымская картинка

Все сильнее горя,
Молодая заря
На цветы уронила росу.
Гул в лесу пробежал,
Горный лес задрожал,
Рашумел между скал водопад Учан-Су.
И горяч, и могуч,
Вспыхнул солнечный луч,
Протянулся, дрожит, и целует росу,
Поцелуй его жгуч,
Он сверкает в лесу,
Там, где гул так певуч,
Он целует росу,
А меж сосен шумит и журчит Учан-Су.

В. Бенедиктов

Близ берегов

В широком пурпуре Авроры
Восходит солнце. Предо мной
Тавриды радужные горы
Волшебной строятся стеной.
Плывем. Все ближе берег чудный,
И ряд заоблачных вершин
Все ближе. У кормы дельфин
Волной играет изумрудной
И брызжет искрами вокруг.
Вот пристань. – Зноем дышит юг
здесь жарко-сладок воздух чистый,
Огнем и негой разведен,
И как напиток золотистый
Из чаши неба пролит он.
Там – в раззолоченном уборе
Границ незнающее море
С небесной твердью сведено,
А тут – к брегам прижаться радо,
И, только именем черно,
Слилось лазурное оно
С зеленым морем винограда.
К громадам скал приник залив,
И воды трепетные млеют,
И, рощи лавров отразив,
Густые волны зеленеют.

Потоки

Не широки, не глубоки
Крыма водные потоки,
Но зато их целый рой
Сброшен горною стеной
И бегут они в долины,
И чрез камни и стремнины
Звонкой прыгают волной,
Там виясь в живом узоре,
Там теряясь между скал,
Или всасываясь в море
Острием змеиных жал.
Смотришь: вот земля вогнулась
В глубину глухим котлом
И растительность кругом
Густо, пышно развернулась.
Чу! Ключи, ручьи кипят, —
И потоков быстрых змейки
Сквозь подземные лазейки
Пробираются, шипят;
Под кустарником кудрями
То скрываются в тени,
То блестящими шнурами
Меж зелеными коврами
Передернуты они,
И, открыты лишь частями,
Шелковистый режут дол,
И жемчужными кистями
Низвергаются в котел.
И порой седых утесов
Расплываются глаза,
И из щелей их с откосов
Брызжет хладная слеза:
По уступам в перехватку,
В пересыпку, в перекатку,
Слезы те бегут, летят,
И снопами водопад,
То в припрыжку, то в присядку,
Бьет с раската на раскат;
То висит жемчужной нитью,
То, ударив с новой прытью,
В перегиб и в перелом
Он клубами млечной пены
Мылит скал крутые стены,
Скачет в воздух серебром,
На мгновенье в безднах вязнет

И опять летит вперед,
Пляшет, отпрысками бьет,
Небо радугами дразнит,
Сам себя на части рвет…

В. Брюсов

I
Звезда затеплилась стыдливо,
Столпились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива
Редеет пенная кайма.
Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин, —
И вот в селенье с минарета
Запел протяжно муэдзин.

II
У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.
Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз,
К прибрежью вольного залива.

III
Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижен полусонный.
Там дышат лавры и миндаль
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

IV
День растоплен; море сине;
Подступили близко горы.
Воздух чист, и четкость линий
Утомляет взоры.
Под столетним кедром – тени,
Отзвук утренней прохлады.
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.

V
Кипит встревоженное море,
Мятутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.

Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.

VI
Волны приходят и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий,
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.
Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены,
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

VII
Обошла тропа утес,
Выше всходят буки.
Позади лесные звуки,
Крики птиц и диких коз.
Впереди редеет лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полет орлиный,
Даль земли и даль небес.

VIII
Небо чернело с огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый объезд.
Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату.
Помнишь? мы шли той тропой!

И. Бунин

Учан-Су

Свежее веет воздух горный,
Невнятный шум идет в лесу:
Поет веселый и проворный
Со скал летящий Учан-Су!
Глядишь – и точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой легкий бег не прерывая, —
Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая, —
Как тонкий флер, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг и пеной, и дождем
Свергаясь в черный водоем,
Бушует влагою хрустальной…
А горы в синей вышине!
А южный бор и сосен шепот!
Под этот шум и влажный ропот
Стоишь, как в светлом полусне!

В Крымских степях

Синеет снеговой простор,
Померкла степь. Белее снега
Мерцает девственная Вега
Над дальним станом крымских гор.

Уж сумрак пал, как пепел сизый,
Как дым угасшего костра, —
Лишь светится багряной ризой
Престол Аллы – Шатер-Гора.

После дождя

Все море – как жемчужное зерцало,
Сирень с отливом млечно-золотым,
И как тепло перед закатом стало,
И как душист над саклей тонкий дым.

Вот чайка села в бухточке скалистой
Как поплавок… Взлетает иногда —
И видно, как струею серебристой
Сбегает с лапок розовых вода,
У берегов в воде застыли скалы,

У берегов в воде застыли скалы,
Под ними светит жидкий изумруд.
А там, вдали – и жемчуг и опалы
По золотистым яхонтам текут.

Штиль

На плоском взморье – мертвый зной и штиль.
Слепит горячий свет, струится воздух чистый.
Расплавленной смолой сверкает черный киль
Рыбацкого челна на мели золотистой.

С нестройным криком голых татарчат
Сливается порой пронзительный и жалкий,
Зловещий визг серебряной рыбалки…
Но небо ясно, отмели молчат.

Разлит залив зеркальностью безбрежной,
И глубоко на золоте песка,
Под хрусталем воды, сияет белоснежный
Недвижный отблеск маяка.

На винограднике

На винограднике нельзя дышать. Лоза
Пожухла, сморщилась. Лучистый отблеск моря
И белизна шоссе слепят огнем глаза,
А дача на холме, на голом косогоре.
Скрываюсь в дом. О, рай! Прохладно и темно,
Все ставни заперты… Но нет, и здесь не скрыться
Прямой горячий луч блестит сквозь щель в окно —
И понемногу тьма редеет, золотится.
Еще мгновение – и приглядишься к ней,
И будешь чувствовать, что за стеною – море,
Что за стеной – шоссе, что нет нигде теней,
Что вся земля горит в сияющем просторе!

На даче

Луна еще прозрачна и бледна.
Но розовеет пепел небосклона —
И золотится берег. Уж видна
Тень от узорной туйи у балкона.

Пойдем к обрывам. Млеющей волной
Вода переливается. И вскоре
Из края в край под золотой луной
Затеплится и засияет море.

Ночь будет ясная, веселая. Вдали,
На рейд, две турецких бригантины.
Вот поднимают парус. Вот зажгли
Сигналы – изумруды и рубины.

Но ветра нет. И будут до зари
Они дремать и медленно качаться,
И будут в лунном свете фонари
Глазами утомленными казаться.

С обрыва

Стремнина скал. Волной железной
Здесь плоскогорье поднялось
И над зияющею бездной,
Оцепенев, оборвалось.

Здесь небо ясно, – слой тумана
Ползет под нами, как дракон, —
И моря синяя нирвана
Висит в пространстве с трех сторон.

Но дико здесь. Как руки фурий,
Торчит над бездною из скал
Колючий, искривленный бурей,
Сухой и звонкий астрагал.

И на заре седой орленок
Шипит в гнезде, как василиск,
Завидев за морем спросонок
В тумане сизом красный диск.

Океаниды

В полдневный зной, когда на щебень,
На валуны прибрежных скал,
Кипя, встает за гребнем гребень,
Крутясь, идет за валом вал, —

Когда изгиб прибоя блещет
Зеркально вогнутой грядой
И в нем сияет и трепещет
От гребня отблеск золотой.

Как весел ты, о буйный хохот,
Звенящий смех Океанид,
Под этот влажный шум и грохот
Летящих в пене на гранит!

Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела!

Дия

Штиль в безгранично-светлом Ак-Денизе.
зацвел миндаль. В ауле тишина
И теплый блеск. В мечети на карнизе,
Воркуя, ходят, ходят турмана.

Пригретый лаской солнечного света.
Сегодня в полдень слаще и грустней,
Задумчивей, чем прежде, с минарета
Пел муэдзин… И все следил за ней.

Дышал он морем, тонким ароматом
Садов в цвету, теплом небес, земли…
А Дия шла по каменистым скатам,
По голышам меж саклями – к Али…

К Али? О, нет. На скате под утесом
Журчит фонтан. Идут оттуда вниз
Уступы крыш по каменным откосам
И безграничный виден Ак-Дениз,

Она уж там. Но весел и спокоен
Взгляд карих глаз. Легка, как горный джин.
Под шелковым бешметом детски-строен
Высокий стан… Она нальёт кувшин,

На камне сбросит красные папучи
И будет мыть, топтать в воде белье…
– Журчи, журчи, звени, родник певучий!
Она глядится в зеркало твое.

Граф П. Бутурлин

Крымские песни

I
На мягкой синеве полуночных небес,
Как семь алмазов, искрятся стожары;
В объятьях темных гор, где дремлет темный лес,
Лениво грезя, замерли Байдары.

Исчезла жизнь, и сон – и вечный сон царит;
Лишь только изредка в дали туманной,
В таинственной дали, протяжно прозвучит
Обрывок песни жалобной и странной.

II
О, верно, верно, вы давно забыли
Тот славный вечер у Гурзуфских скал!
На небе тучки алые застыли, —
Недвижный, как будто ветер спал, —
И в бледном море, где волна дремала,
Румяный отблеск их играл,
Как розовый отлив средь бледного опала.
Казалось, сумерек сиреневая тень
Мрачила, летний, не осенний день!
Сидели мы, где плющ и виноград покрыли
Когда-то с гор скатившийся обвал,
Где айвы плод благоухал
И желтый дрок так дерзостно сиял.
Сидели мы одни, о чем-то говорили…
И по небу скользил тончайший серп луны…
Вы все забыли, нет сомненья,
(Он так давно померк, тот вечер упоенья),
И я забыл, как забывают сны,
Наш тихий спор без увлечения,
Да понимал ли я, что милые уста.
Шептали в этот час, – час нежный, как мечта?
Мне слишком хорошо все помнится блистанье.
Той молодой луны, плодов благоуханье,
И желтый дрок… и ваша красота!

III
Бледное море под бледным дождем!
Грустен сегодня напев твой смиренный;
Нет ни угроз, ни отчаянья в нем:
Точно печали поры отдаленной

(Блеклые грезы о блеклом былом!)
Вспомнило море…
Старое, старое, полузабытое горе!..
О, и в душе сиротливой моей
Старое горе опять пробудилось,—
Прежде, – давно. – на весне моих дней,
Пышной надеждой оно засветилось…
Нет и следа от потухших лучей!
Ропщет ненастье!
Старое, старое, полузабытое счастье!

IV
Волны бросаются жадной грядой;
Буря шумит и растет непогода.
Берег исчезнет под черной водой:
Волны бросаются жадной грядой.
С хохотом дико сливается вой,
Словно безумно страдает природа;
Волны бросаются жадной грядой,
Буря шумит и растет непогода.

V
В тени кипарисов угрюмых
Блестят жемчугом миндали,
Счастливые юной отрадой,
Отрадой воскресшей земли.

Грустят о зиме кипарисы:
Бывало, от этих ветвей,
От зелени этой печальной
Казалась земля веселей.

Теперь кипарисы забыты
В весенней отраде земли:
Они безобразно чернеют!..
Блестят жемчугом миндали.

VI
Ночь кончилась уже; давно рассвет сереет,
Но дню как будто лень открыть свои глаза.
Последняя звезда дрожит и чуть светлеет,
Как неупавшая еще с ресниц слеза.
В ущельях Яйлы на верхушках леса
Туман цепляется, как тонкая завеса.

Но кончился рассвет от крайних волн победно
До высшего хребта, как розовый поток,
Сверканье хлынуло, и ночи призрак бледный
На западе исчез; весь в пурпуре восток…

И свежий воздух дышит сладострастьем,
И жизнь не кажется трудом, а только счастьем.

VII
Чуть рябится, все проникнуто лучами,
Фиолетовое море;
Плещутся дельфины резвыми стадами
На просторе;

И вокруг утесов строем безмятежным,
Гимн таинственный рифмуя,
Вал за валом умирает с звуком нежным
Поцелуя.

Хмурятся утесы, как во дни ненастья.
Что им яркость волн, иль ласка!
Словно сердце, для которого и счастье —
Только сказка!

VIII
Хоть в Ялте крокусы еще не зацвели,
В горах фиалками леса благоухали
И в горы далеко с тобою мы пошли.
Последний снег белел над Учан-Су вдали;
Залив у наших ног синей был синей стали;
Дул свежий ветер, – волновал
И взбил тебе так мило волоса!
Нам было хорошо, и мы не говорили:
Да и к чему слова!.. о, крепко мы любили.

Ты помнишь ли тот день? Таких лазурных дней
Не видит Север наш холодный и ненастный.
Весна прелестна там под мягкой синевой,
Как очи русых дев, сребристо-голубой;
Но старца дочь она и плод любви бесстрастной.
Ее, почти без солнца и без нег,
Не теплый дождь родит, а талый снег.

А наше счастие? оно ль не роза юга?
Не там, не там, – а здесь мы поняли друг друга.

IX
Фруктовые сады меж темными лесами
По скатам Яйльских гор в сиянии луны
Белеют легкими, как бабочки, цветами.
И, мило убрана той дымкою весны,
Как ханша юная чадрою серебристой,
Таврида. Нежится у дремлющей волны,
И, глядя в мраке вод на лунный след лучистый,

Влюбленно слушает, как первый соловей
Поет свой первый гимн полуночи душистой.
О чем, о, птиц поэт, о, мощный чародей, —
Загадочный рапсод, то страстный, то печальный, —
Поешь ты в тайнике скрывающих ветвей?
Увы! кто может знать! А песнь в ночи кристальной
Звенит и ширится: за трелью льется трель
И ночь звучна тобой, о, лирик идеальный!
О, пой, о пой еще… про сладострастный хмель
Любви и юности, про счастье иль про горе…
Не все ль равно? лишь пой!.. Вокруг цветет
Апрель,
Луна меж звезд плывет в безоблачном просторе,
Пахучий воздух спит и вздохами волны
Напеву твоему так нежно вторит море;
И в этот дивный час, средь чуткой тишины,
Ты нужен, как душа, как смысл, как выраженье
Красы, которой мир и небеса полны.
Пой, пой, еще… твое живое вдохновенье
Не только ночь живит; но и людских сердец
Усталость ты бодришь, даруя упоенье.
Ты каждому твердишь, о, вкрадчивый певец,
Ту сладостную песнь, ту сказку упованья,
Которой жаждет он, как отдыха боец:
Где скорби слышатся ответные рыданья,
Там счастью чудится надменною мечтой,
Что с ним ликуешь ты всей бурей ликованья…
Пой! тонет жизнь, как челн под ярою волной,
И греза вдаль летит, оперена тобой!..
X
О, море, о песенник-море!
О, дымчато-синие скалы!
О, рощи, где с лаврами шепчется ветер
Про чудную быль героических дней! —
Восторгов неведомых сладость
Вы, щедрые, мне даровали,
И путник случайный у ног кипарисов
Тавриды я сердце свое схоронил!
В стране долгих зорь и метелей,
На родине нашей унылой,
Я вспомню с мучительной радостью пленных
И солнце, и вас… и ее поцелуй!

А. Бородин

Яйла

Скрипит арба. Шоссе извив узорный.
В горячем полусне ползут, ползут волы.
Последний перелом, как сталь, иссиня-черный
Вознесся и навис молчащий пик скалы.
И вот ликующий, зеленый луг Яйлы.
Звенящий ветер гор прозрачный и просторный
И над вершинами, как фимиам нагорный,
В полетах голубых могучие орлы.
Как жрец я на алтарь сверкающий вознес
Бессонной радостью тоскующую душу
И гулким взмахом вниз свою печаль обрушу
В стремнину жадную, как вековой утес.
И вздох заворожив, безгранностью лаская,
Еще безудержней сверкнет мне даль морская.

И. Белоусов

Аю-даг
(Медведь гора)

Он шел из северных лесов
Равниной, солнцем опаленной,
И к морю Черному пришел
Усталый, утомленный.

И грудь косматую свою.
В глубь погрузил отрады полный,
И замер так… С тех пор его.
Ласкают моря волны…

Хребет Яйлы

Огня подземного властитель
Повел борьбу с морским царем, —
Громады камней раскаленных
Со дна он выдвинул с огнем.
Хотел он каменною грудью
На капли море раздробить,
Хотел его засыпать пеплом,
До дна в нем воду иссушить…
Велась и долго, и упорно
Стихий кровавая вражда.
Кто ж победителем остался, —
Огонь подземный, иль вода?
Сильны родством, любовью крепки
И в дружбе честны меж собой —
Соединились моря волны
Пред Яйлы каменной грядой,
А горы грозно отступили
И морю преградили путь…
С тех пор о берег плещут волны
И точат каменную грудь!..

У Байдарсних ворот

Я в Байдарах, – то сбылося,
Что давно я звал мечтой, —
Вся величественность моря
Развернулась предо мной.
Эта синяя громада
В блеске солнца, в блеске дня
Свежей влагою морскою
Вдруг дохнула на меня.
Затаив дыханье, с думой
Перед морем я стою:
Вот где силы духа смерить,
Утопить печаль мою…

У Ай-Петри

День умирал, и вздох последний
Вдруг замер с отблеском зари,
На волнах моря отраженный
И на вершинах Ай-Петри.
От скал на тихие долины,
Темнея, тени налегли,
А из долин, клубясь, к вершинам.
Как дым, туманы поползли.
Уснуло все под кровом ночи —
И в мертвых скалах тишина,
И лишь слышней о берег плещет
Седая, темная волна....

Князь П. Вяземский

Месячная ночь

Там высоко в звездном море,
Словно лебедь золотой,
На безоблачном просторе
Ходит месяц молодой,
Наш красавец ненаглядный,
Южной ночи гость и друг;
Все при нем в тени прохладной,
Все затеплилось вокруг:
Горы, скаты их, вершины,
Тополь, лавр и кипарис
И во глубь морской пучины
Выдвигающийся мыс,
Все мгновенно просветлело —
Путь и темные углы,
Все прияло жизнь и тело,
Все воскреснуло из мглы.
С негой юга сны востока,
Поэтические сны,
Вести, гости издалека,
Из волшебной стороны, —
Все для северного сына
Говорит про мир иной;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.